

Ксения Беленкова

Симптомы любви



Часть сборника
*Магия любви. Самая большая
книга романов для девочек*
(сборник)



Ксения Беленкова

Симптомы любви

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4970345

Магия любви. Самая большая книга романов для девочек: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-61682-4

Аннотация

Это история мальчишки, который по уши влюбился в девчонку. Только вот девчонка оказалась далеко не принцессой – она дерется, как заправский хулиган, не лезет за словом в карман, умеет постоять за себя, ненавидит платья и юбки, танцы, а также всякую романтическую чепуху. Чтобы добиться ее внимания, парню пришлось пойти на крайние меры: писать письма, драться со старшеклассником, ходить на костылях. Оказалось, сердце ледяной принцессы не так-то просто растопить...

Содержание

Первая любовь Live	4
Первый день зимы	5
Признаки романтизации личности	7
Меня берут на «слабо»	9
Как нельзя знакомиться с девчонками	12
Первое неотправленное письмо	16
Меня расписывают под хохлому	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ксения Беленкова

Симптомы любви

Посвящается дедушке Адаскину Борису Ильичу

Первая любовь Live

Сейчас должна решиться моя судьба. Вы себе не представляете, как это – стоять одиноко среди воющей пурги, замерзая в ожидании счастья. Кто бы мне рассказал еще пару месяцев назад, что я буду рисковать своим здоровьем ради какой-то девчонки, не поверил бы. Да что там, даже рассмеялся. Но как же молод и глуп я был тогда – в свои тринадцать лет. А сейчас мне не страшно подхватить воспаление легких в этот морозный и вьюжистый день, только бы пришла она – моя Инга.

Снег сыпет в лицо, забивается за воротник. И роза под курткой так и колет своими шипами прямо в грудь. Ветер пытается сорвать шапку, а ноги замерзли, и я уже не чувствую пальцев. Но делать нечего: только вспоминать, как я дошел до жизни такой. Как сумел всего-то за пару месяцев превратиться в неисправимого романтика. Если у вас есть немного свободного времени, слушайте...

Первый день зимы

Моя история началась в первый день зимы. Да, я это совершенно точно запомнил. Мама оторвала лист календаря и вздохнула:

– Эх, почему листы календаря нельзя приклеить назад?

А папа зашелся смехом, при этом похлопывая себя по задним карманам на джинсах. Папа все время смеется над чем-то ему одному понятным. Это расстраивает маму. Меня же в этот день, казалось, ничего не сможет расстроить. Все шло, как обычно: тарелка хлопьев с молоком, пузатый рюкзак, ботинки у двери, лестница и знакомый мир вокруг моего подъезда. На углу я встретился с Бочкиным, и мы отправились в школу.

– Вот и зима пришла, – уныло заметил Бочкин.

Он стащил с носа очки, протер их и напялил обратно, с подозрением вглядываясь в нехитрый пейзаж возле нашего дома. С Бочкиным всегда так: что бы ни произошло, он будто не рад. Зато я рядом с ним всегда чувствовал себя жутким оптимистом.

– На каток станем ходить, – подбодрил друга.

– У-г-у, – протянул Бочкин и шлепнул ботинком по луже.

Зима в этом году явно не поспевала за календарем. Костлявые деревья сбросили листву, газоны побурели. И луж вокруг было не счесть, хоть в плавание пускайся. Прохожие топали в резиновых сапогах, и дождь моросил, точно осень не кончалась. Но все это казалось мне тогда даже забавным. Дождливая зима – разве не смешно, сами посудите?

В школе все несло своим чередом. Староста класса Катька Фирсова, изучив свои списки, провозгласила:

– Адашкин сегодня дежурный. – И зыркнув на меня, как судья на обвиняемого, переспросил: – Бориска, ты меня слышал?

Как вы поняли, Бориска Адашкин – это я и есть. Собственной персоной. И нечего было Катьке на меня так пялиться. Мало ли, что в прошлый раз я пропустил свое дежурство, с кем не случается?

– Я счастлив это знать! – ответил с таким видом, будто оказаться дежурным моя мечта с детства.

Катька скривила подозрительную мину, перекинула толстую косу через плечо, но промолчала, тем более что прозвенел звонок.

Первым уроком была литература, и в класс уже вплывала наша училка Эра Филимоновна. Все ее тело чуть колыхалось, будто по кабинету гулял ветер. Лишь прическа оставалась недвижимой – залаченная волосок к волоску. Эра Филимоновна была немолода, меланхолична и очень медлительна. Когда она что-то рассказывала, класс буквально засыпал, убаюканный ее тихим, низким голосом. Лишь я один, как ненормальный, то и дело подскакивал над своим стулом. Эра Филимоновна имела одну привычку, которая жутко мешала мне спать на ее уроках. Чуть ли не через каждое предложение она нараспев приговаривала: «А-да-льше». Мне же сквозь дремоту всегда казалось, будто меня вызывают к доске. Как только я слышал тягучее «а-да», то сразу подпрыгивал, думая, что Эра Филимоновна начинает произносить мою фамилию – Адашкин. В этот раз мне, как обычно, не удалось хорошенько выспаться на уроке литературы.

Крах прежней жизни случился на третьей перемене. Я стоял в коридоре возле кабинета химии. Все вокруг суетились и галдели, как на вокзале. Какой-то хилый ботаник примостил свою тетрадь на подоконнике и корпел над домашним заданием. Тем временем дылда из параллельного класса от скуки все время подкалывала его. А если ботаник не реагировал, отвечивала ему щелбан по затылку. Тогда он потирал ушибленное место, передергивал тощими плечами и снова вонзал нос в свою тетрадь.

– Отстань уже от него, – сказала вдруг какая-то малявка с худосочным хвостиком на макушке.

– Ч-о-о? – непонимающе воззрилась на нее дылда.

А затем для пущей важности отвесила ботанику еще один щелбан. Ботаник икнул, поднял на обидчицу затравленный взор и снова промолчал.

– Тебе самой от себя не противно? – презрительно кинула малявка.

И тут дылда решила показать, насколько она от себя без ума. Размахнулась и вклепила ботанику такую затрещину, что по коридору пошел гул после удара. Ботаник даже присел от неожиданности и боли. В тот же миг малявка будто бы зарычала и в один прыжок оказалась на загривке у громилы. Началась настоящая драка. Громила отмахивалась и была похожа на мельницу, которая крутит лопастями. Ботаник испугался еще сильнее и стал потихоньку отползать в сторону. Очевидно, он опасался того, что мельница грохнется и погребет его под тяжестью своего веса. Так и случилось. Громила хлопнулась на пол. Малявка тут же оказалась сверху. Она победоносно шипела. Все вокруг замерли, как и я, наблюдая за этой схваткой. В коридоре стало необыкновенно тихо. Но вот уже послышались робкие перешептывания: «Завуч идет!» Раздвигая плотные ряды ротозеев, к месту драки пробиралась наша завуч Алла Олеговна. Всегда строгая, с тонким, как струна, ртом. Картину она застала знатную. На полу корячился ботаник, пытаясь вытащить из-под завала свою длинную ногу. Громила лежала, раскинув лопасти, и шумно дышала. Лицо у нее покраснелось и выражало полнейшее смущение с зачатками бессильной злобы. Сверху, как на коне, восседала малявка. Завуч мигом оценила ситуацию.

– Инга, это опять ты? – с суровой обреченностью произнесла она.

Малявка удовлетворенно кивнула.

– Ну что ж, вставай, отведу тебя к директору.

Малявка послушно отпустила свою добычу. И громила начала ныть высоким голосом:

– Алла Олеговна, Ингу на поводке и в наморднике надо держать. Она мне колготки прокусила. Новые-е. Дороги-е-е.

– Разберемся, – устало отмахнулась завуч.

И тут я не выдержал. Противная громила еще имела наглость жаловаться после всего, что сделала.

– Подождите, – выкрикнул я отчего-то хриплым голосом. – Малявка не виновата. Она этого защищала.

И я ткнул пальцем в ботаника, который к тому моменту отполз на достаточное расстояние, чтобы остаться в стороне. Ботаник вздрогнул, напрягся.

– Малявка? – прицепилась к слову Инга.

– Это твой друг? – кивнула на ботаника завуч.

– Исключено, – отрезала малявка.

– Брат?

– Он мне определенно не родственник.

– А кто же тогда?

– Да просто мальчишка какой-то...

– Ну все, хватит, – будто расстроилась завуч. – Пошли к директору разбираться.

Алла Олеговна подтолкнула Ингу вперед. Ребята потихоньку начали расходиться, каждый хотел первым принести новость о происшествии в свой класс. Лишь я будто прирос к месту. Смотрел и смотрел на Ингу. Она уверенно шла по коридору, и все вокруг для меня остановилось. Время замерло, пропуская вперед эту девчонку. Мне вдруг захотелось стать резинкой на ее волосах, которая туго держала торчащий кисточкой хвост. В тот момент я понял, что мой организм стал насквозь романтичным. Про дежурство я, конечно же, забыл. И это было началом всего того, что случилось со мной дальше...

Признаки романтизации личности

Могу преподать вам урок: как понять, что вы по уши влюбились. Для начала надо быть очень внимательным к себе по утрам и наотрез запретить думать о предмете воздыханий до завтрака. Это очень опасно, так как может напрочь отбить аппетит. У влюбленного романтика система пищеварения необъяснимым образом перестраивается исключительно на духовную пищу. Хочется петь, в тяжелых случаях – даже танцевать.

Во-вторых, надо понимать, что влюбленность решительно меняет гардероб романтика, причем на редкость парадоксально. Вы из кожи вон лезете, чтобы выглядеть лучше, чем есть на самом деле, но запросто можете надеть носки из разных пар, свитер наизнанку, а в худшем варианте и вовсе забыть застегнуть портки.

С волосами тоже начинают твориться какие-то чудеса. Если раньше хватало пяти пальцев, чтобы привести прическу в подобающий вид, то у влюбленного человека может уйти все утро на борьбу с непослушными клоками. Они не поддаются расческам, гелям, лакам. Как ни стараешься, приходится нести в люди лохматую голову.

На улице с влюбленными тоже не все в порядке. Категорически нет возможности смотреть себе под ноги. Романтика влекут небеса, заоблачные дали: ему грезится птичий полет. Отчего он тут же спотыкается и летит ласточкой, чтобы сесть в ближайшую лужу.

Дальше – еще хуже. Отправившись, предположим, в школу, романтик запросто может прийти к подъезду своей возлюбленной и проторчать там весь первый урок, бездумно уставившись в окно. Но даже если ему удастся попасть в класс к первому звонку, он обречен оказаться без нужного учебника, тетради или ручки. Что романтик упорно отказывается забывать дома – так это дневник. И замечания с двойками сыплются в него пачками.

Романтик никогда не смотрит на доску. С мечтательной улыбкой он беспрестанно выводит на полях тетради имя любимой, а иногда покушается на школьное имущество и вышкрябывает заветные буквы прямо на парте перочинным ножиком.

В общении с друзьями влюбленный выдает себя сразу. Он упорно отказывается следить за сутью разговора. Отвечает невпопад. Иногда вообще игнорирует обращения, вопросы или просьбы. Лишь в одном случае он проявляет резвую смекалку и категоричность. Если вы спросите романтика: ты что, влюбился? Он тут же, без колебаний, отрежет: нет! А дальше будто бы обидится, замкнется в себе и снова выпадет из общей беседы.

Над влюбленными можно посмеиваться, можно им сочувствовать или завидовать, но важно понимать одно. Им сейчас до лампочки ваше мнение. Порой влюбленность заходит так далеко, что романтикам становится до лампочки даже собственное мнение. Они забывают обо всем, что интересовало их раньше, и полностью оказываются во власти своей маниакальной привязанности.

После уроков влюбленный романтик будет стоять у школьных дверей, вперив жадный взор в толпу расходящихся по домам учеников, а потом станет следовать за своей мечтой безмолвной тенью. И даже если девчонка его мечты будет надрываться под тяжестью школьной сумки, романтик не предложит помощь. В такой ситуации язык влюбленного становится намного тяжелее любого рюкзака, и пошевелить им не представляется возможным.

Оказавшись дома, романтик чаще всего сникает, ест без интереса. Кстати, кормить влюбленного можно чем попало. Он станет лопать один и тот же суп хоть пять дней подряд, хотя раньше требовал разнообразия. Романтик не просит добавки, не пытается отхватить себе лучший кусок, за столом не чавкает и не выпускает ртом воздух, чем сразу вызывает подозрения родственников. В ответ на тревожные вопросы о самочувствии влюбленный отговаривается усталостью. Он спешит уединиться. Если это ему удастся, то, забравшись на диван, романтик начинает предаваться мечтам и уже не представляет опасности для домаш-

них до самого ужина. Но если влюбленного побеспокоить в этот момент, прийти к нему с градусником или попытаться натянуть шерстяные носки, то беды не миновать. Забыв про усталость, романтик вскакивает с дивана и начинает носиться по комнате: он ругается, порой брызжет слюной и настоятельно рекомендует оставить его в покое. В это время влюбленный может раскраснеться или же, наоборот, будет мертвецки бледен, что окончательно убедит всех в его тяжком диагнозе. Но кризис болезни приходится обычно на призыв вспомнить об уроках. Романтик тут же затихает на диване в обнимку с градусником, послушно подставляя родственникам свои ступни, чтобы их облачили в шерстяные носки. На ужин влюбленному можно без зазрения совести впихнуть все тот же пятидневный суп – вкуса пищи он все равно не почувствует.

Перед сном романтики любят подолгу стоять в душе – это немного охлаждает пыл. Шум воды успокаивает расшатанные нервы, заставляет на время забыть обо всем. Когда влюбленный выходит из ванной, все думают, что он протер себя до дыр. На самом деле вероятнее всего, что зубы его так и остались не чищены, зато пар валит из ушей.

Ночью романтики не спят. Они грезят о счастье, мнут подушку ушами и бьются локтями о стены. Поутру влюбленного очень легко обидеть, рассказав, как его храп гремел по всей квартире. Он сочтет это глупой шуткой и ни за что не поверит, что продрых всю ночь без задних ног.

Теперь вы примерно можете представить, что начало твориться со мной, как только я встретил Ингу.